

¹⁰ Юхт А. И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. Москва, 1985. С. 52.

¹¹ Корепанов Н. С. Уральское горное управление // Немцы в России. Энциклопедия. Т. 3. М., 2006. С. 622.

¹² РГАДА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 628. Л. 13–15об.

¹³ Юхт А. И. Государственная деятельность ... С. 59.

¹⁴ Геннин В. Уральская переписка ... С. 117.

¹⁵ АВИМАЙВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 253. Л. 1 об. –2 об.

Д. О. Серов

РУКОВОДИТЕЛИ ФИСКАЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ: ЛИНИИ СУДЕБ

В ряду административных преобразований Петра I особое место заняло учреждение фискальской службы – первого в истории отечественной государственности специализированного органа надзора. Просуществовавшая немногим более четверти века, с марта 1711 г. по декабрь 1729 г., фискальская служба России оказалась изучена к настоящему времени сравнительно подробно¹. Однако до сегодняшнего дня так и не появилось работ, специально посвященных кадровому составу фискальской службы (за исключением небольшой статьи 1998 г. о М. А. Косом²). Между тем, без освещения вопроса о персональном составе того или иного органа власти наши представления об этом органе не будут обладать ни надлежащей полнотой, ни целостностью.

В настоящей статье предпринята попытка реконструировать обстоятельства биографий руководящих должностных лиц фискальской службы. Посредством подобных изысканий возможно уяснить как специфику административного и житейского опыта, так и особенности духовного облика и характера лиц, оказавшихся во главе наиболее могущественного контрольно-надзорного ведомства России XVIII в.

Не вдаваясь в характеристику источниковой основы статьи (каковую образовали преимущественно архивные материалы, разрозненно отложившиеся в девяти фондах двух федеральных архивов), представляется уместным высказать по этому поводу единственное замечание. Дело в том, что, в отличие от неизменно издававшихся актов о назначении соответствующих лиц на руководящие должности в фискальскую службу, особые акты об освобождении этих же лиц от названных должностей оформлялись далеко не всегда. Отстранение руководителей фискальской службы (как и других высших администраторов того времени) могло происходить либо по факту назначения на иные должности, либо по факту возбуждения в отношении них уголовного преследования. В последнем случае, однако остается неясным, в какой именно момент попавший под следствие чиновник считался уволенным от должности.

Переходя собственно к вопросу о персональном составе руководства фискальской службы, прежде всего следует отметить, что на протяжении 1711–1722 гг. руководитель службы именовался «обер-фискалом», а в 1723–1729 гг. – «генерал-фискалом» (в этот период обер-фискал являлся вторым лицом в иерархии ведомства). За время существования фискальской службы в должности обер-фискала перебивало пять человек (Я. В. Былинский, М. В. Желябужский, А. Я. Нестеров, М. А. Косой и Степан Кузодавлев), а в должности генерал-фискала – один человек (А. А. Мякинин). В свою очередь, из пяти лиц, состоявших в должности обер-фискала, двое занимали ее кратковременно и сугубо номинально: Я. В. Былинский с 5 марта по 29 мая 1711 г.³, С. Кузодавлев с 5 июля по 4 октября 1725 г.⁴ Соответственно обстоятельства биографий означенных лиц в статье не рассматривались.

Итак, сразу после отставки первого обер-фискала Якова Былинского, сообразно указанию Петра I, Сенат взялся подыскивать на эту должность «доброво человека» «ис царедворцов». Для этого в канцелярии Сената был подготовлен список из 42 лиц московских чинов, состоявших на службе в различных приказах и в Московской губернской канцелярии⁵. Из этого внушительного числа кандидатов путем жеребьевки Сенат определил в обер-фискалы М. В. Желябужского. Сенатский указ о назначении Михаила Желябужского был издан 19 октября 1711 г.⁶.

Сведений о жизни М. В. Желябужского до 1711 г. выявить к настоящему времени почти не удалось. Известно лишь, что к моменту определения в обер-фискалы Михаил Желябужский имел чин стольника, служил в Московской губернской канцелярии, и что в 1700 г. он владел 35 крестьянскими дворами⁷. Известно также, что в 1704 г. Михаил Васильевич обвинялся в истязании Л. Г. Шурупова, крестьянина помещика М. С. Богданова.

Судя по фрагментарно сохранившимся материалам судебного дела, будущий глава фискальской службы устроил в своем доме в селе Куровском Перемышльского уезда настоящий застенек. Заподозрив проживавшего неподалеку Л. Г. Шурупова в поджоге хлебов, Михаил Желябужский организовал его похищение, после чего «на висках держал многия часы и на стрясах руки ломал и кнутом бил и огнем жег и всякое нехристианское ругательство чинил, что и заплечные мастера не чинят»⁸. Впрочем, насколько можно понять, никаких уголовно-правовых последствий для Михаила Васильевича этот дикий эпизод не имел⁹.

Как бы то ни было, именно М. В. Желябужскому пришлось (причем фактически «с нуля») организовывать службу, на практике отлаживать механизм фискальского надзора. Однако, несмотря на то, что Михаил Желябужский сыграл бесспорно решающую роль в становлении фискальской службы, в собственно фискальской деятельности он чем дальше, тем больше уступал своему «товарищу» А. Я. Нестерову. В итоге, согласно имен-

ного указа от 7 апреля 1715 г., М. В. Желябужский был отстранен от должности обер-фискала, а сенатским указом от 15 апреля 1715 г. – определен ландратом в Смоленск¹⁰ (поближе к поместью).

Семь лет спустя Михаил Васильевич вернулся на службу в столицу. Сенатским указом от 8 июля 1722 г. М. В. Желябужский был включен в состав Комиссии по подготовке проекта нового Уложения, а сенатским указом от 20 июля того же 1722 г. – назначен судьей Московского надворного суда¹¹.

Обстоятельства биографии А. Я. Нестерова до назначения в обер-фискалы прояснены к настоящему времени несколько более отчетливо, нежели его предшественника Михаила Желябужского. Правда, доньше так и не удалось установить, кем был Алексей Нестеров по социальному происхождению и когда именно он родился. Известно, однако, что до поступления на государственную службу Алексей Яковлевич являлся холопом думного дворянина Ф. Г. Хрущева.

В начале 1700-х гг. Алексей Нестеров выступил прибыльщиком, изобретателем новых доходов для казны (вероятнее всего, в сфере ясачного обложения). В составленных независимо друг от друга записках современников – И. А. Желябужского и Б. И. Куракина – сохранилась почти идентичная подборка имен холопов, которым финансовое прожектёрство открыло дорогу на государственную службу: Степан Вараксин, В. С. Ершов, Яков Акиншин, А. Я. Нестеров¹².

Все названные лица в 1704 г. начали работу в ведавшей нововведенными сборами Семеновской приказной палате. В структуре палаты (переименованной в январе 1705 г. в Ингерманландскую канцелярию) А. Я. Нестеров возглавил Ясачную канцелярию. В подготовленном в 1722 г. и доньше не вводившемся в научный оборот «Резэстре делам, кои учинены в прибыль его императорскому величеству и всему государству Алексеем Нестеровым» сам Алексей Яковлевич исчислял доходы, полученные казной за 1705–1722 гг., благодаря предложенной им системе налогообложения ясачного населения, в три миллиона рублей¹³. Приведенная цифра на сегодня вряд ли является проверяемой, однако стоит заметить, что, как явствует из выписки о жалованье главам структурных частей Ингерманландской канцелярии от октября 1707 г., в 1704 г. Алексей Нестеров получил из доходов канцелярии более чем внушительный оклад в 500 рублей, а в 1705 г. – в 250 рублей¹⁴.

Вероятно, в 1708 г. Алексей Яковлевич перевелся в Ямской приказ, а в 1710 г. занял должность комиссара в Московской губернской канцелярии. Примечательно, что в 1711 г., еще в бытность комиссаром А. Я. Нестеров разоблачил дьяка Д. И. Новикова, получившего 400 рублей взятку с купщика Л. М. Чижова за подряд на ремонт Яузского моста¹⁵. С должно-

сти комиссара в середине декабря 1711 г. Алексей Нестеров перешел на фискальскую службу, заняв вскоре должность «товарища» обер-фискала.

На новом месте Алексей Яковлевич, что называется, «нашел себя», его служебная активность воистину не знала границ. Достаточно сказать, что из 107 уголовных дел, возбужденных фискальской службой и поступивших в Сенат в июле-октябре 1713 г., единолично Алексеем Нестеровым было возбуждено 62 дела и еще семь – им совместно с другими фискалами¹⁶. Дошло до того, что в том же 1713 г. Петр I вступил с неумным фискалом в личную переписку, направив ему три послания¹⁷. Не приходится поэтому удивляться, что, согласно уже упоминавшемуся именному указу от 7 апреля 1715 г., А. Я. Нестеров занял пост обер-фискала.

Несмотря на значительные и признанные самим Петром I заслуги в деле разоблачения «повредителей казенного интереса», правительственная карьера Алексея Нестерова завершилась трагически. Принявшись с годами сам нарушать закон, Алексей Яковлевич оказался одним из ключевых фигурантов «дела фискалов», расследование которого началось в марте 1722 г.¹⁸. Вследствие признаний провинциал-фискала Саввы Попцова А. Я. Нестеров был в начале сентября 1722 г. взят под стражу. В итоге расследования бывшему обер-фискалу было вменено 39 (!) эпизодов преступной деятельности (главным образом получение взяток)¹⁹. 22 января 1724 г. Вышний суд приговорил Алексея Нестерова к колесованию. Два дня спустя, 24 января 1724 г. на Троицкой площади Санкт-Петербурга приговор был приведен в исполнение²⁰.

Уместно добавить, что под следствие по «делу фискалов» попал и М. В. Желябужский. В обширной повинной, поданной 9 ноября 1722 г. в следственную канцелярию, А. Я. Нестеров поведал, кроме прочего, об осуществленном по инициативе и при участии Михаила Желябужского подлоге заведания вдовы Акулины Поливановой. Будучи 5 февраля 1723 г. допрошен лично Петром I, Михаил Васильевич сознался в подлоге²¹.

15 января 1724 г. Вышний суд приговорил М. В. Желябужского к наказанию кнутом и конфискации имущества (последнюю часть санкции император при утверждении приговора заменил на пять лет каторжных работ). Полученные 24 января 1724 г. на эшафоте 50 ударов кнутом оказались для бывшего обер-фискала роковыми. Не дождавшись этапирования в Рогервик, 15 февраля 1724 г. М. В. Желябужский скончался²².

Совсем иной карьерный путь, нежели Михаил Желябужский и Алексей Нестеров, прошел до назначения главой фискальской службы А. А. Мякинин. Мелкопоместный владимирский дворянин, имевший (и то в совместном владении с пасынком и падчерицей) всего 11 крестьянских дворов, Алексей Мякинин был в 1700 г. зачислен сержантом в Бутырский полк. Прошедший боевыми дорогами почти всех кампаний Северной вой-

ны и драматического Прутского похода, получивший в 1703 г. ранение при взятии Шлиссельбурга, Алексей Антонович уже в 1707 г. дослужился до полковника, став в мае 1707 г. командиром Ростовского полка, а в феврале 1711 г. – Новгородского пехотного полка²³.

Достоин упоминания, что перед самым назначением полковым командиром Алексею Мякину довелось выполнить не вполне обычное и весьма рискованное задание командования. В декабре 1706 г. подполковник А. А. Мякин был в качестве офицера связи направлен фельдмаршалом Г. Огильви через расположение шведских войск к генералу К. Ренне. Сам Алексей Антонович так описал этот эпизод своей фронтовой биографии: «...Послан [был] тайным обычаем шпигом з жидом для вернати, как возможна пройтить промеж неприятельских людей до господина генерала Рена с писмами, понеже з другими рангами таких писем послать было не можна... И как пошел я пеш из Гродни з жидом, убран был в мужицкое платье за пошпортом жидовским... И [шли] лесами, многую нужду и трудность имели...»²⁴

Стреловая служба Алексея Мякина завершилась вскоре после окончания Северной войны. Именным указом от 25 января 1722 г. полковник А. А. Мякин был назначен на ответственный пост главы канцелярии переписи душ в Азовской губернии²⁵. Тем временем, 30 января 1723 г., находясь под впечатлением «дела фискалов», Петр I указал учредить должность генерал-фискала²⁶, повысив тем самым формально-иерархический статус главы фискальской службы. Этим же указом коллегиям предписывалось выбрать кандидатуры для назначения на новую должность.

18 февраля 1723 г. Сенат представил императору список четырех кандидатов на должность генерал-фискала (И. А. Фамендин, И. М. Шувалов, А. А. Мякин, И. В. Болтин) и двух кандидатов на должность обер-фискала (Г. Т. Ергольский и Иван Белкин)²⁷. 22 февраля 1723 г. Петр I определил в генерал-фискалы Алексея Мякина (с оговоркой о вступлении в должность после завершения переписи душ)²⁸. Назначение обер-фискала тогда не состоялось.

Поскольку перепись душ затянулась, А. А. Мякин фактически приступил к обя-занностям главы фискальской службы лишь в середине 1724 г. Что же касается должности обер-фискала, то на нее, по представлению Алексея Мякина, 4 июня 1724 г. Сенат назначил Михаила Косого²⁹.

Биография нового обер-фискала была далеко не ординарной. О М. А. Косом достоверно известно, что родился он в 1662 г.³⁰ Последующие сведения о жизненном пути Михаила Косого относятся к середине 1682 г., когда он – записной каменщик, тяглец столичной Кошельной слободы – принял участие в беспорядках в Москве в период безвластия после майского выступления стрельцов. Согласно Записной книге Приказа каменных дел, в

1682 г. М. А. Косой «с товарищи... ходили бунтом к дьяком и подьячим на дворы и брали с них денги»³¹. Впрочем, по не лишнему оснований предположению А. В. Лаврентьева, каменщики во главе с Михаилом Косым занимались не грабежом, а просто насильственно взыскали суммы, причитавшиеся им за возведение на Красной площади в конце мая – начале июня 1682 г. каменного столпа, прославлявшего стрельцов³².

Как бы то ни было, криминальные похождения каменщиков не остались безнаказанными. Взятые под стражу после восстановления порядка они были в 1683 г. отправлены в ссылку в Сибирь. В ссылке Михаил Косой пробыл около пяти лет. Обстоятельства его возвращения в Москву поныне остаются туманными.

Лично знавший каменщика известный «арифметики учитель» Л. Ф. Магницкий утверждал впоследствии, что М. А. Косой прибыл в столицу «тайно собою»³³, иными словами, бежал из ссылки. По словам жены Михаила Андреевича Натальи, ее муж был «взят к Москве по-прежнему... по челобитью матери ево, Михайловой». Поиски указа об освобождении Михаила Косого, предпринятые в 1714 г. в архиве Приказа каменных дел, оказались, однако, безуспешными³⁴. Вероятно, М. А. Косой в самом деле самовольно покинул место ссылки.

Последующие два с лишним десятилетия жизни Михаила Косого выявленными к настоящему времени источниками освещаются скудно. Бесспорно известно лишь, что в 1694 г. он оборудовал тайники в доме гостей Шустовых в подмосковном селе Дединове³⁵. Л. Ф. Магницкий отмечал, что именно после возвращения из Сибири, сблизившись с «люктором» Яковом Якимовым, а затем с Д. Е. Тверитиновым, Михаил Косой «принял развращение благочестия», проникся еретическими воззрениями³⁶.

Новый поворот судьбы ожидал Михаила Андреевича на исходе 1711 г. По указу Сената от 27 декабря 1711 г., М. А. Косой в качестве целовальника по приему и покупке строительных материалов был направлен в Санкт-Петербург³⁷. Довелось ли Михаилу Андреевичу потрудиться на строительстве новой столицы, к настоящему времени неясно. Более определенно можно сказать иное: не позднее 1713 г. М. А. Косой оставил ремесло каменщика и поступил в фискалы.

Кто именно содействовал поступлению Михаила Косого на государственную службу в точности установить на сегодня не удалось (хотя, судя по последующим событиям, это мог быть кто-то из князей Долгоруковых). Бесспорно известно другое: по именному указу от 24 апреля 1713 г. фискалу Михаилу Андрееву (как в начале 1710-х гг. начал именовать себя М. А. Косой³⁸) было поручено провести проверку финансовой деятельности Московской Большой таможни и Ратуши³⁹. Благодаря возложенно-

му на него высочайшему поручению, М. А. Косой-Андреев стал заметной фигурой в бюрократических кругах бывшей столицы.

Новые занятия Михаила Андреевича отнюдь не утасили его давнюю склонность к «еретическому мудрованию». Свои неканонические взгляды он открыто высказывал теперь в стенах московских канцелярий, став активным участником еретического кружка Дмитрия Тверитинова⁴⁰. Принимавшая все более значительные масштабы еретическая агитация не могла не встревожить церковные власти. В результате проведенного в 1713–1714 гг. расследования были установлены все активные участники кружка Д. Е. Тверитинова. 24 октября 1714 года состоялось соборное осуждение еретиков. «Лжеучитель» Дмитрий Тверитинов, а также наиболее близкие его сподвижники – фискал Михаил Косой и цирюльник Фома Иванов – были преданы анафеме⁴¹.

Между тем, исходя из буквы действующего законодательства, участникам «развратных» бесед грозили не одни лишь духовные санкции. Деяния Д. Е. Тверитинова и его ближайших сподвижников напрямую попадали под статью 1 главы 1 Уложения, в которой предусматривалась единственная санкция – смертная казнь⁴². Ничего подобного, впрочем, не последовало. В Сенате проигнорировали даже всплывшие в ходе расследования деятельности еретического кружка обстоятельства криминального прошлого М. А. Косого-Андреева. Отлученный от церкви фискал продолжил, как ни в чем не бывало, находиться на государственной службе.

Столь благоприятный для Михаила Косого итог разбирательства дела Д. Е. Тверитинова возможно связать с действиями князей Долгоруковых. С одной стороны, известно, что дело о еретическом сообществе было «похоронено» в Сенате во многом благодаря усилиям сенатора Я. Ф. Долгорукова – о чем в мае 1716 г. прямо заявил сенатор П. М. Апраксин⁴³. С другой стороны, рьяно взявшийся за исполнение служебных обязанностей Михаил Косой сумел заинтересовать своими разоблачениями могущественного руководителя следственной канцелярии гвардии майора В. В. Долгорукова, двоюродного племянника князя Якова Федоровича.

О связи М. А. Косого с главой следственной канцелярии свидетельствует фрагмент из не вводившегося доньше в научный оборот письма Василия Долгорукова брату, сенатору М. В. Долгорукову, от 23 марта 1716 г. В этом доверительном послании сопровождавший царя в зарубежной поездке Василий Владимирович кроме прочего просил брата: «...И Косому изволь сам сказать, и чтоб он имел меня так, как я его в кредит вел, и ко мне б писал»⁴⁴. Вероятнее всего, с подачи именно В. В. Долгорукова Петр I направил 28 января 1716 г. письмо главе Подрядной канцелярии Г. И. Кошелеву, в котором указал оказывать содействие Михаилу Косому, взявшемуся (попутно с фискальской деятельностью) за подряд корабельных лесов⁴⁵.

Однако ситуация вскоре переменялась не в лучшую для М. А. Косого сторону. Стремительно развернувшийся в начале 1718 г. процесс царевича Алексея Петровича, привел, как известно, к падению влияния клана Долгоруковых. Поэтому нет ничего удивительного, что уже весной 1719 г. М. А. Косой оказался под стражей в Юстиц-коллегии, будучи обвинен А. Я. Нестеровым в утайке таможенных пошлин⁴⁶.

Впрочем, в колодничьей палате М. А. Косой пробыл недолго. Затруднительно сказать, кто на этот раз вступился за Михаила Косого-Андреева, но 27 мая 1719 г. Петр I распорядился изменить фискалу меру пресечения с содержания под стражей на подписку о невыезде, «на росписку знатым людям». Однако, когда 26 июня 1719 г. М. А. Косой был доставлен на заседание присутствия Юстиц-коллегии «для прикладывания руки к росписке и собрания роспищиков», в коллежской аудиенц-камере разыгралась бурная сцена.

Согласно протокольной записи (направленной в царский Кабинет 2 июля 1719 г.), «он, Косов, при собрании той Коллегии со изменительным лицом и с криком великим, приблизясь к президентскому столу, ударя во стол рукою, говорил, что де он непослушен будет никакому суду до прибытия его царскаго величества. И его графское сиятельство [А. А. Матвеев] ему, Косову, в том запрещал, чтоб он кричать противно перестал. И он, Косов, и за тем также кричал...»⁴⁷

В итоге, все-таки освобожденный (хотя и подвергнутый внушительному штрафу в 945 рублей) М. А. Косой подал в декабре 1719 г. в следственную канцелярию Г. Д. Юсупова развернутое доношение, содержащее обвинения А. Я. Нестерова в многочисленных преступлениях против интересов службы. Означенное доношение было доложено Петру I, который 16 февраля 1720 г. наложил на него лаконичную резолюцию: «Отослать в Юстиц-колегию»⁴⁸. Правда никакого расследования обвинений, выдвинутых М. А. Косым против обер-фискала, в Юстиц-коллегии тогда предпринято не было.

Однако начавшееся в марте 1722 г. «дело фискалов» изменило ситуацию в благоприятную для Михаила Косого сторону. 8 января 1723 г. М. А. Косой подал в только что учрежденный Вышний суд очередное доношение с обвинениями Алексея Нестерова в преступлениях против интересов службы и в клевете (каковая имела последствием отмеченное уголовное преследование Михаила Андреевича со стороны Юстиц-коллегии). В связи с названным доношением бывший обер-фискал был 7 марта 1723 г. специально допрошен в Вышнем суде⁴⁹. Возбужденные А. Я. Нестеровым уголовные дела против Михаила Косого были прекращены.

Остается добавить, что совместная работа бывшего полкового командира А. А. Мякина и бывшего каменщика М. А. Косого продлилась не-

долго. Уже 22 февраля 1725 г. состоялся указ Сената, в котором предписывалось взять Михаила Косого-Андреева под стражу и предать суду по обвинению в злоупотреблении должностными полномочиями⁵⁰. 2 марта 1727 г. по пяти эпизодам злоупотребления должностными полномочиями Сенат приговорил Михаила Андреевича к пожизненной ссылке в Сибирь с содержанием в Тобольске без определения к делам, а также к конфискации имущества⁵¹.

Находясь в Тобольске, М. А. Косой был в 1728 г. вновь изобличен в исповедании еретических воззрений. Однако теперь ситуация повернулась для бывшего обер-фискала совсем иначе, нежели в середине 1710-х гг. 26 июля 1731 г. «за ево показанные... святей церкви непокорение и противность» Правительствующий Сенат приговорил Михаила Косого к тюремному заключению до принесения покаяния с последующей ссылкой в Обдорск⁵². Дату и обстоятельства кончины М. А. Косого установить к настоящему времени не удалось.

Сходно завершилась и правительственная карьера А. А. Мякинина. Генерал-фискал пострадал за свою излишнюю принципиальность в бытность ревизором Азовской губернии, когда он разоблачил крупномасштабную утайку душ со стороны А. Д. Меншикова⁵³. В июне 1727 г., находясь на вершине могущества, злопамятный Александр Данилович добился предания Алексея Мякинина военному суду по очевидно необоснованному обвинению в фальсификации материалов следствия об утайке душ⁵⁴. Суд приговорил Алексея Антоновича к расстрелу, замененному 19 декабря 1727 г. ссылкой в Сибирь.

Правда, в отличие от М. А. Косого, Алексей Мякинин дождался освобождения из ссылки, каковая последовала в январе 1733 г. Более того, бывшему генерал-фискалу довелось вернуться на государственную службу: именным указом от 3 декабря 1734 г. он был определен воронежским губернатором⁵⁵. Губернаторство Алексея Антоновича оказалось, правда, непродолжительным – уже 25 августа 1735 г. он скончался⁵⁶. Так сложились жизненные пути руководителей отечественной фискальской службы.

Подводя итог изложенному, следует констатировать, что наиболее эффективным управителем фискальской службы, всецело подготовленным к исполнению этой должности, явился А. Я. Нестеров, а наименее подготовленным – А. А. Мякинин. Вполне определенно можно также заключить, что если назначение генерал- и обер-фискалами вчерашнего строевого командира Алексея Мякинина и глубоко одиозного дельца Михаила Косого способствовало дальнейшему углублению кризиса фискальской службы России, то их осуждение в 1727 г. предвзоветило уже ликвидацию этой службы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новейший обзор литературы по истории фискальской службы России см.: Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009. С. 108–110.

² Серов Д. О. Из истории кадровой политики Петра I: фискал-еретик Михаил Косой // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков: матер. III регион. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 166–175. См. также статьи о руководителях службы в биографических справочниках: Комолов Н. А. Губернатор Мякинин Алексей Антонович // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917: историко-биографические очерки / Ред.-сост. А. Н. Акиншин. Воронеж, 2000. С. 64–65; Серов Д. О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 50, 60–61.

³ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1880. Т. 1. С. 28, 279. По неясной причине именной указ от 29 мая 1711 г. о новом назначении Я. В. Былинского был получен в Сенате лишь 15 сентября 1711 г. После освобождения от должности обер-фискала Яков Былинский вернулся к месту прежней службы в Преображенский приказ.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1944. Л. 30; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1947. Л. 17. С. Кузодавлев был освобожден от должности обер-фискала «за тяшкою ево животного болезнию».

⁵ Антипов Г. Н. Фискалитет при Петре I // Вестник МГУ. Сер. Историко-филологическая. 1956. № 2. С. 65.

⁶ Доклады и приговоры... Т. 1. С. 279.

⁷ Доклады и приговоры... / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 104.

⁸ См. исковую челобитную Г. С. Богданова от января 1704 г.: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. № 2335. Л. 34. Как было констатировано 1 декабря 1703 г. при осмотре потерпевшего Л. Г. Шурупова в Белевской приказной избе (перемышльский воевода фиксировать следы истязаний отказался), «на нем, Лукьяне, на спине рупцы многие богровы и на спине и на брюхе пятны красные. А сказал он, Лукьян: те де рупцы на нем, Лукьяне, от бою, как он, Михайла [Желябужский] бил ево плетми и... кнутом. А пятны де от огня, как де он, Михайла, у того бою жех ево, Лукьяна, сам огнем, салною свечею» (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. № 2335. Л. 68).

⁹ Уместно заметить, что устройство М. В. Желябужским домашнего застенка напрямую подпадало под действие сразу нескольких статей Уложения 1649 г. – в первую очередь, ст. 88 гл. 21-й, по которой частным лицам воспрещалось производить дознание даже в отношении вора, задержанного с поличным (Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. А. Г. Манькова. М., 1985. Т. 3. С. 245).

¹⁰ Доклады и приговоры... / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1. С. 342.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1889. Л. 253 об., 454 об.

¹² Желябужский И. А. Записки // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 98; Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 270.

¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 75.

¹⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. № 6. Л. 201.

¹⁵ См. судебное дело Д. И. Новикова 1710–1711 гг.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 20. 22 декабря 1711 г. Сенат приговорил Д. И. Новикова к наказанию кнутом и штрафом в 1400 рублей (РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 20. Л. 165–165 об.).

¹⁶ См. Записную книгу фискальских доношений 1713 г.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 89. Ср. сходные данные С. Е. Шестакова об авторстве фискальских доношений, поступивших в 1712–1715 гг. в царский Кабинет (*Шестаков С. Е.* Формирование института гражданских фискалов в России в первой трети XVIII в. // Реформы в России XVI–XIX вв.: сб. научн. трудов. М., 1992. С. 106).

¹⁷ ПБП. М., 1992. Т. 13. Вып. 1. С. 130; ПБП. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. С. 50, 128. Показательно, что М. В. Желябужскому за все время его пребывания в должности обер-фискала Петр I не направил ни единого послания.

¹⁸ В литературе наиболее подробно о «деле фискалов» см.: *Серов Д. О.* Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 111–125; *Он же.* Фискалы на эшафоте // Родина. 2007. № 11. С. 75–79.

¹⁹ РГАДА. Ф. 273. Кн. 273. Л. 664–682.

²⁰ РГАДА. Ф. 273. Кн. 273. Л. 690–691 об.

²¹ РГАДА. Ф. 273. Кн. 273. Л. 328, 440.

²² РГАДА. Ф. 273. Кн. 273. Л. 718–718 об., 720, 730. Факт смерти М. В. Желябужского от последствий наказания был удостоверен заключением двух лекарей из Медицинской канцелярии (РГАДА. Ф. 273. Кн. 273. Л. 730 об.). Кто знает, вспоминал ли Михаил Васильевич, умирая в колодничьей палате Адмиралтейской коллегии, как он жег сальной свечой крестьянина Лукьяна Шурупова?

²³ Подробности военной карьеры А. А. Мякинина см. в его пространным авторизованном послужном списке от декабря 1720 г.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. № 48. Л. 23–26 об. (публикацию документа см.: *Серов Д. О.* Администрация Петра I. С. 241–246). Уместно заметить, что в этом послужном списке Алексей Мякинин указал, что начал службу «из житья». Однако в подготовленном в канцелярии Сената в 1712 г. списке жильцов ни А. А. Мякинин, ни его отец не упомянуты (см.: Доклады и приговоры... Т. 2. Кн. 2. С. 108–110).

²⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. № 48. Л. 24–24 об.

²⁵ Письма, указы и заметки Петра I / Под ред. А. Ф. Бычкова // Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 445. О деятельности А. А. Мякинина как главы переписной канцелярии подробнее см.: *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982. С. 84, 127–128, 170–172 и др.

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1891. Л. 5 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1891. Л. 7.

²⁸ Законодательные акты Петра I / Сост. Н. А. Воскресенский. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 258.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1927. Л. 93.

³⁰ См. «сказку» М. А. Косого от мая 1718 г.: РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 8451–8662. Л. 425.

³¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода / Под ред. Н. И. Верховского. СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1. Приложение. Стб. XXXIII.

³² *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 187.

³³ *Магницкий Л. Ф.* Записка по делу Тверитинова. СПб., 1882. С. 3.

³⁴ Описание документов и дел... Т. 2. Ч. 1. Приложения. Стб. XXXIII–XXXIV.

³⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 218. Л. 106.

³⁶ *Магницкий Л. Ф.* Записка по делу Тверитинова... С. 3.

³⁷ Доклады и приговоры... Т. 1. С. 401–402.

³⁸ Попытки смены фамилии М. А. Косому в полной мере не удалось – слишком многие современники, очевидно, помнили его прежнее фамильное прозвание. Однако протянувшееся через десятилетия, регулярно повторявшееся в документах альтернативное именование Михаила Андреевича ввело в заблуждение даже такого знатока эпохи как А. Н. Филиппов. Подробно описав в монографии 1895 г. финал карьеры «обер-фискала Михаила Косого», исследователь чуть ниже отметил, что «у нас нет указаний, остался ли в должности... обер-фискал Михаил Андреев» (*Филиппов А. Н.* История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев, 1895. Ч. 1. С. 290, 292).

³⁹ Доклады и приговоры... Т. 3. Кн. 1. С. 226.

⁴⁰ Новейшее обозрение сведений о деятельности еретического кружка Д. Е. Тверитинова см.: *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 265–270.

⁴¹ Описание документов и дел... Т. 2. Ч. 1. Приложения. Стб. CLXXVII (полный текст соборного осуждения см.: Описание документов и дел... Т. 2. Ч. 1. С. CLXXXII–CLXXXVII).

⁴² Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 85.

⁴³ Описание документов и дел... Т. 2. Ч. 1. Приложения. Стб. СХСVII–СХСVIII. Леонтий Магницкий также упомянул о прямом покровительстве Я. Ф. Долгорукова еретикам (включая М. А. Косого): «А паче князь Яков Федорович иже аще и не еретик, но по страсти гордости, славолубия и злобы на архиерея зело о том [покровительстве еретикам] попечение имейше...» (*Магницкий Л. Ф.* Записка по делу Тверитинова... С. 14).

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 29. Л. 68.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 7.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 41. Л. 494.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 41. Л. 494–494 об. В литературе об этом эпизоде см.: *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 255–256.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. № 21560. Л. 1–1 об.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1277. Л. 295–296 об.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1939. Л. 143–143 об.

⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1964. Л. 67–68 об. Некоторые подробности осуждения М. А. Косого в литературе см.: *Филиппов А. Н.* История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета... С. 290–291.

⁵² РГАДА. Ф. 248. Кн. 777. Л. 430. О пребывании М. А. Косого в ссылке см.: *Серов Д. О.* Из истории кадровой политики... С. 171–172; *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики... С. 268–269.

⁵³ Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I... С. 92–93.

⁵⁴ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726–1730 гг. Т. 3 / Под ред. Н. Ф. Дубровина // Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 63. С. 688–692.

⁵⁵ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Т. 3. / Под ред. А. Н. Филиппова // Сб. РИО. Юрьев, 1900. Т. 108. С. 453.

⁵⁶ Бумаги Кабинета министров... Т. 11 / Под ред. А. Н. Филиппова // Сб. РИО. Юрьев, 1912. Т. 138. С. 87.

Ю. Н. Смирнов

**ЭВОЛЮЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУР В
ХОДЕ ОСВОЕНИЯ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ОТ
ВРЕМЕННЫХ КОМИССИЙ 1730-Х ГОДОВ ДО «ВНУТРЕННЕЙ
ГУБЕРНИИ ИМПЕРИИ» СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

Освоение юго-восточных территорий Европейской России в XVIII–XIX вв. стало одним из самых значимых шагов в обретении нашей страной, ее народами новых земель. В процессе присоединения и заселения данной территории, в ходе превращения практически безлюдных пространств в новый земледельческо-промысловый регион с многочисленным оседлым населением создавались административные структуры, которые адаптировались к изменяющейся ситуации. В статье изложено исследование их эволюции от временных комиссий 1730-х гг. до создания в 1851 г. заволжской Самарской губернии, получившей статус «внутренней губернии Империи», схожий со статусом издревле обжитых земель центра России.

Лесостепное и степное Заволжье занимает обширную территорию, которая в середине XIX в. оформилась как цельное образование и составила Самарскую губернию, хотя полного совпадения географических и административных границ, конечно, не было. Заволжье выделяется не столько в географическом отношении, сколько в историческом. Волга для данного региона – не просто наиболее однозначно определенная граница, а естественный рубеж, долгое время защищавший от кочевых набегов. Оседлые жители пришли в этот край, исключая редкие поселения по самому берегу великой реки, не только позже, чем на волжское правобережье, но даже позднее, чем на территории, окружающие Заволжье с севера и востока: Закамье, Башкирию и Приуралье. С юга Заволжье очерчено природно-климатической зоной, за пределами которой не велось традиционное для России хлебопашество, начиналась сухая прикаспийская степь, переходящая в полупустыню, а оседлое население было занято в основном на промыслах и торговых путях Нижней Волги.

Разнородность административной принадлежности рассматриваемой территории до образования Самарской губернии не способствовала концентрации документальных материалов по прошлому Заволжья в одном